

Динамика правового статуса Монголии в XX в.

*Сергей Львович Кузьмин*¹

¹ Институт востоковедения РАН

(д. 12, ул. Рождественка, 107031 Москва, Российская Федерация)

доктор исторических наук, кандидат биологических наук, ведущий научный сотрудник

© КалмНЦ РАН, 2020

© Кузьмин С. Л., 2020

Аннотация. Цель данной статьи — выяснение статуса Монголии на основе исторических документов и оценок современников. Обсуждаются изменения правового статуса Монголии со времени коллапса империи Цин до середины XX в. Показано, что Монголия не была частью Китая, а была связана с маньчжурской династией государства Цин отношениями «вассал — сюзерен». Цинская «новая политика» китайской колонизации, нарушила эти отношения, следствием чего стало национально-освободительное движение монголов. Отречение династии и образование Китайской республики дали новое легитимное основание для независимости Монголии. Провозглашение независимости Монголии 29 декабря 1911 г. как кульминация этого движения было легитимным и не было революцией. Русско-монгольское соглашение 1912 г. может трактоваться как признание *de jure* независимости, а не автономии Монголии. Правомерное признание автономии зафиксировано в Китайско-русско-монгольском соглашении 1915 г.: Внешняя Монголия стала государством под формальным сюзеренитетом Китая и протекторатом России. Отмена автономии и оккупация Внешней Монголии Китаем в 1919 г. была незаконной. В 1921 г. барон Р. Ф. Унгерн восстановил автономию, а фактически — независимость Внешней Монголии. От захвата власти Монгольской народной партией до принятия конституции Монгольской народной республикой в 1924 г. статус страны был неопределенным. С 1924 г. до признания Китаем в 1946 г. МНР была *de facto* независимым суверенным государством с подразумеваемым (молчаливым) признанием со стороны СССР. Историческим выбором народов Внутренней Монголии и Барги было воссоединение с Внешней Монголией / МНР.

Ключевые слова: Монголия, Россия, СССР, Китай, статус, независимость, международное право

Благодарность. Материалы статьи апробированы на Международной научной онлайн-конференции «Монголоведение в начале XXI в.: современное состояние и перспективы развития – II», проведенной при финансовой

поддержке РФФИ (проект № 20-09-22004) и частичной поддержке гранта Правительства РФ (№ 075-15-2019-1879).

Для цитирования: Кузьмин С. Л. Динамика правового статуса Монголии в XX веке // Desertum Magnum: studia historica. 2020. № 1. Pp. 58–67. DOI: 10.22162/2712-8431-2020-9-1-58-67

UDC 94(517)

DOI: 10.22162/2712-8431-2020-9-1-58-67

Dynamics of the Legal Status of Mongolia in the 20th Century

*Sergey L. Kuzmin*¹

¹ Institute of Oriental Studies of the RAS

(12, Rozhdestvenka St., Moscow 107031, Russian Federation)

Dr. Sc (History), Cand. Sc. (Biology), Leading Research Associate

© KalmSC RAS, 2020

© Kuzmin S. L., 2020

Abstract. This article is aimed at determining Mongolia's status based on historical documents and contemporaries' evaluation. It discusses the change in the legal status of Mongolia from the collapse of Qing Empire till the mid XX century. As it is shown, Mongolia was not part of China but was in vassal — suzerain relationship with the Manchu Dynasty of Qing Empire. Qing 'new policy' of Chinese colonization destroyed this relationship which led to national liberation movement of Mongols. Dynasty abdication and the formation of the Republic of China gave new legitimate ground for independence Mongolia. Declaration of independence of Mongolia on December 29, 1911 as the culmination of this movement was legitimate and was not a revolution. The treaty signed in 1912 between Russia and Mongolia may be considered as de jure recognition of the independence but not the autonomy of Mongolia. The rightful recognition of the autonomy was recorded in the agreement of 1915 between Russia, China and Mongolia. Outer Mongolia became the state under the formal suzerainty of China and the protectorate of Russia. The abolishment of autonomy and occupation of Outer Mongolia by China in 1919 was illegal. In 1921 baron R. F. Ungern reinstated the autonomy and in fact the independence of Outer Mongolia. From the take-over of the Mongolian People's Party until adoption of constitution by the Mongolian People's Republic in 1924 the country status was undefined. From 1924 until recognition by China in 1946 the Mongolian People's Republic was de facto independent country with the implied (silent) recognition by the USSR. Reunion of Inner Mongolia and Barga with the Outer Mongolia / Mongolian People's Republic was the historical choice of their peoples.

Keywords: Mongolia, Russia, the USSR, China, status, independence, international law

Acknowledgement. The article was presented at the international scientific online conference “Mongolian Studies at the beginning of the 21st century: Current State and Development Prospects – II”, held with the financial support of RFBR (project № 20-09-22004) and partial support of the Russian Government Grant (№ 075-15-2019-1879).

For citation: Kuzmin S. L. Dynamics of the Legal Status of Mongolia in XX century. In: Desertum Magnum: studia historica. 2020. № 1. Pp. 58-67. DOI: 10.22162/2712-8431-2020-9-1-58-67

Хотя статус Монголии в цинский период обычно обозначается сходно, есть разногласия в его детализации: колония цинского (маньчжурского) Китая, совокупность стран в империи Цин, цинские наместничества и т. д. Есть различия и в оценках статуса последующих периодов.

Широко распространено ошибочное мнение, что империя Цин — это «цинский Китай». Империя Цин была создана вне Китая и лишь позже присоединила его. Формирование, структура, социокультурные концепты, методы правления, национальная политика отличают империю Цин от Китая как государства, которым до нее была империя Мин, а затем — Китайская республика и Китайская Народная Республика. Китай, захваченный маньчжурами, стал одной из частей их империи, то есть утратил государственность. Китайские и иноземные «династии», в частности Мин и Цин, — это в действительности разные империи [Дмитриев, Кузьмин 2014].

Переход монголов в маньчжурское подданство начался еще до создания империи Цин и закончился уже после захвата ею Китая. Следовательно, Монголия не стала «частью цинского Китая». В период потери независимости Монголия представляла не единое государство, а совокупность владений с разным статусом. Эти владения вошли в подданство к маньчжурским императорам на разных основаниях — от добровольного подчинения до завоевания. Первыми подчинился ряд княжеств восточной и южной Монголии. Их первоначальные отношения союзничества перешли в вассалитет. Позже и нойоны северной Монголии стали цинскими вассалами. В отношениях «вассал — сюзерен (сеньор)» в Европе и Азии есть общие признаки: подчинение вассалов сеньорам, монархам с клятвой верности, обязательством или письменным соглашением; служба (особенно военная) вассалов сеньорам; пожалование последними вассалам земли (в том числе собственной земли вассалов), другого имущества или прав в обмен на верность и службу; одинаковое понимание обеими сторонами отношений «вассал — сеньор» [Кузьмин 2019].

В данном случае обязанности сеньора (маньчжурского императора) состояли в гарантиях безопасности, неизменности образа жизни, исключения китайской колонизации земель вассалов (монгольских нойонов).

Экспансия иностранных держав в империю Цин с XIX в. стала фактором ее дестабилизации. Для противодействия цинское руководство взяло на вооружение «новую политику». В Монголии она преследовала такие цели: ослабить влияние России и Японии; ассимилировать монголов китайцами; заменить монгольский кочевой уклад на китайский крестьянский; сделать Монголию военным плацдармом; подавить сопротивление монголов [Батсайхан 2007: 4].

«Новая политика» была колониальной, хотя проводилась под прикрытием «просвещения» и «экономического развития» монголов: это была политика заселения их земель китайцами, эксплуатации их ресурсов с использованием принуждения политическими, экономическими и военными мерами. Очевидцы обозначали ее как колониальную.

«Новая политика» стала нарушением системы «вассал — сюзерен», в рамках которой монголы признавали себя подданными маньчжурских императоров. Это нарушение стало причиной национально-освободительного движения монголов, которое, следовательно, имело легитимную основу. Следующей причиной стало отречение династии: ведь монголы подчинялись ей, а не Китаю. Есть сведения, что император Хунтайджи (Абахай) выдавал монгольским князьям указы, где говорилось, что после падения династии подчинившиеся ей монголы вернуться к своим прежним законам [Кузьмин, Батсайхан 2019], то есть вновь обретут независимость.

Провозглашение Китайской республики в 1912 г. было результатом революции, инициированной ханьскими националистами. Они, как и монголы, хотели выйти из-под власти маньчжуров. Соответственно, при коллапсе империи Цин должны были обрести самостоятельность те народы, которые признавали подданство ей так же, как его признавали ханьцы. Чтобы избежать этого, ханьские националисты разработали концепцию «республики пяти рас», по которой она объявлялась государством не только ханьцев, но и других национальностей. Монголы не имели отношения к этому.

Незадолго до отречения династии, 29 декабря 1911 г., Монголия провозгласила независимость как монархия Богдо-гэгэна Джебцзундамбахутухты VIII. Его легитимация основывалась на преемственности великоханской власти: так же, как в XVII в., монголы передали власть великого хана (Богдо-хана) монарху маньчжуров (Хунтайджи), теперь произошел «перенос империи» от маньчжуров обратно к монголам. Внутренняя Монголия и Барга присоединились к независимой Монголии. Последняя соответствовала признакам национального государства: имела постоян-

ное население, определенную территорию, правительство и способность вести международные отношения. Согласно декларативной теории государственности, этого достаточно, чтобы было государство. «В целом, политическое существование государства не зависит от признания другими государствами» [Shaw 2008: 471]. Альтернативная — конститутивная теория — требует признания другими государствами. В международном праве она менее распространена: ведь государство создает его народ, а не иностранное признание.

Как сказано выше, империя Цин не была Китаем. Китайская республика и КНР не имеют от нее исторической преемственности. Тем не менее, иностранные державы признали Китайскую республику в границах империи Цин из соображений политической и экономической целесообразности.

Первым международным актом новой Монголии стало Русско-монгольское соглашение (договор) от 3 ноября 1912 г. В его русском и монгольском текстах, имевших равную силу, есть различия. Монарх Монголии в монгольском тексте титуловался «великий хан Монголии» (*Монгол улсын хаан эзэн*), в русском — «повелитель монгольского народа». Статус Монголии в русском варианте обозначался как «автономный», а в монгольском ему соответствовали термины, которые переводятся также как «самоопределение» и «самостоятельность» (*өөртөө тогтнож өөрөө эзэрхэх*) (тексты: [Батсайхан 2011: 404–406, 610–611, 619–676]). В то время в монгольском языке не было современного оборота *тусгаар тогтнол* для обозначения независимости, для него использовались указанные выше слова [Тачибана 2013]. Оба варианта были зачитаны, сличены и лишь затем подписаны [Коростовец 2004: 233]. Они имели равную юридическую силу, так как не был оговорен приоритет какого-либо из них. Хотя в русском тексте статус Монголии обозначен как автономный, согласно международному праву того времени в международном договоре «сомнительное постановление должно быть интерпретируемо в смысле наименее отяготительном для обязанной стороны» [Мартенс 1882: 413]. Следовательно, монгольская сторона имела правовые основания утверждать, что Россия *de jure* признала Монголию как независимое государство.

11 января 1913 г. Монголия заключила договор с Тибетом — первое международное соглашение в период ее независимости в XX в. (подробнее см.: [The Centennial... 2013]). Этим обе страны признавали независимость друг друга. Поскольку Монголия к тому времени уже была признана Россией как государство, признание ею Тибета было легитимным. Следовательно, Тибет стал независимым государством *de facto* и *de jure*.

5 ноября 1913 г. Россия и Китай подписали декларацию, согласно которой Внешняя Монголия признавалась автономной частью Китая, а

правительство последнего — ее сюзереном. Монголия не признала данную декларацию [Батсайхан 2011: 384] правомерно, так как, будучи уже признана независимым государством, не участвовала в ее подписании.

Под давлением Китая Россия вступила в длительные переговоры, закончившиеся Китайско-русско-монгольским соглашением в Кяхте от 7 июня 1915 г. В частности, Внешняя Монголия признавалась автономией в составе Китая на основе его сюзеренитета, титул ее монарху должен был жаловать президент Китая, за Монголией признавалось исключительное право ведать внутренними делами и заключать международные договоры по торговле и промышленности, Россия и Китай обязывались не вмешиваться в ее внутреннее управление и строй (тексты: [Батсайхан 2011: 631–676]). Это соглашение означало фиксацию автономного статуса, не допускавшую иных толкований. Внешняя Монголия была теперь отделена от Внутренней Монголии и от Барги, которые были «оставлены» Китаю.

Б. Э. Нольде, один из ведущих российских специалистов по международному праву и директор юридической секции МИД России, разъяснил новый статус Монголии. В частности, он указал, что в XIX в. формула сюзеренитета была «пересажена» из европейского средневекового права и с ее помощью осуществлялся процесс «расчленения Турции и рождения новых государств Ближнего Востока». Внешняя Монголия с правовой точки зрения — «государство под сюзеренитетом Китая и под протекторатом России», сюзеренитет здесь — «чисто формальное и лишнее самостоятельного содержания» положение [Нольде 1915].

6 ноября 1915 г. было подписано отдельное Русско-китайское соглашение по Барге. Оно отделяло Баргу от Внешней и Внутренней Монголии. Барга стала особой областью, подчиненной непосредственно центральному правительству Китая. Хотя из текста соглашения следовал автономный статус Барги, уровень его был ниже, чем у Внешней Монголии, а сам термин «автономия» не использовался. Внутренняя Монголия, Кукунор и монгольские (ойратские) территории Синьцзяна не получили автономных прав.

Итак, с 1915 г. статус бывших цинских вассалов стал существенно различаться: Внешняя Монголия стала автономным государством под сюзеренитетом Китая, Барга — особой областью Китая, остальные монгольские земли — его обычными частями.

25 июля 1919 г. совнарком РСФСР в обращении к китайскому народу и его правительству объявил об отказе от «завоеваний, которые сделало царское правительство, отобрав от Китая Маньчжурию и другие области. Пусть народы, обитающие в этих областях, сами решат, в границах какого государства они желают быть и какой образ правления они желают установить у себя дома» [Документы... 1958]. На следующий день

НКВД РСФСР объявил монгольскому народу, что советское правительство «уничтожило все тайные договоры... которыми царское правительство в свое время, под видом автономии Монголии, отняло Монголию у Китая <...> Русский народ отказался от всех договоров с японским и китайским правительством относительно Монголии.<...> В отмену соглашения 1915 г. Монголия, как независимая страна, имеет право сноситься со всеми другими народами без всякой опеки со стороны Пекина или Петрограда» [Российско-монгольское... 2008: 22].

Формально это означало признание права монголов на самоопределение, но оно сопровождалось отказом от Кяхтинского соглашения 1915 г. Однако советское правительство не было в то время единственной легитимной властью в России. Не менее легитимное белое «Омское» правительство продолжало придерживаться царских соглашений по Монголии.

Пользуясь слабостью России из-за двух революций и Гражданской войны, в 1919 г. Китай нарушил соглашения по Внешней Монголии и Барге, отменил их автономию и приравнял к своим провинциям. Но юридически их статус в этом случае должен был измениться иначе. Как отмечал Б. Э. Нольде [Нольде 1915: 2168], «если бы... почему-либо отпала сила пекинского [1913 г.] и кяхтинского [1915 г.] актов, то положение Монголии стало бы вновь определяться с формальной точки зрения ургинским политическим договором [1912 г.]». А этот договор фиксировал независимость или автономию Монголии (см. выше). Поэтому действия Китая, сопровождавшиеся вводом войск, являлись оккупацией.

В 1921 г. барон Р. Ф. Унгерн освободил Внешнюю Монголию, восстановил ее государственность и монархию Джебцзундамбахутухты. Считается, что это было восстановлением автономии. Однако Р. Ф. Унгерн заявлял о Монголии под властью маньчжурского хана, которого еще предстояло восстановить на троне, а не под властью Китайской республики. Фактически он восстановил независимость, а не автономию.

В телеграмме заместителя народного комиссара иностранных дел РСФСР Л. М. Карахана от 27 апреля 1921 г. говорилось, что «положение дела в Монголии... направлено к отторжению Монголии от Китая, созданию независимого государства под фактическим господством Японии... Народно-революционная партия... хочет создать автономную Монголию, независимую от Японии, но входящую в Китайскую республику и находящуюся под суверенитетом Китая» [АВПРФ. Ф. РМ. Оп. 3]. Это не соответствовало действительности в части МНП и Японии.

В 1921 г. в результате действий Красной Армии Р. Ф. Унгерн потерпел поражение. Власть во Внешней Монголии с советской помощью захватила МНП. Уже 14 сентября 1921 г. правительство МНП направило ноту всем иностранным государствам, где заявило, что «сюзеренитет

Китая не будет больше признаваться» [Революционные... 1960: 137]. 5 ноября 1921 г. было подписано Советско-монгольское соглашение, по которому правительство РСФСР признавало единственным законным правительством Монголии Народное правительство, а последнее признавало единственной законной властью России правительство РСФСР [РГАСПИ. Ф. 495]. Международный статус самой Внешней Монголии в этом соглашении не был определен: в советском руководстве были как сторонники его подписания, так и противники, боявшиеся оттолкнуть Китай [Батунаев 2015: 126].

31 мая 1924 г., вскоре после смерти Богдо-хана, было подписано Советско-китайское соглашение, которое признало Внешнюю Монголию частью Китая под его суверенитетом [Кузьмин 2015]. Нарком иностранных дел Г. В. Чичерин на заседании 3-й сессии ЦИК СССР в Тифлисе 3 марта 1925 г. разъяснил советскую позицию: СССР признает республику Монголия частью Китайской республики, но признает и автономию монгольского государства, «настолько широкую, что Монголия не только не допускает никакого вмешательства со стороны Китая в свою внутреннюю жизнь, но и ведет независимо свою внешнюю политику» [АВПРФ. Ф. РМ. Оп. 6]. Эта трактовка была в целом сходна с трактовкой, которую дал Б. Э. Нольде для соглашения 1915 г. Хотя СССР признал китайский суверенитет (не сюзеренитет), разъяснение Чичерина можно трактовать как более широкую автономию, чем по соглашению 1915 г.

В ноябре 1924 г. I Великий народный хурал принял конституцию, где сказано: «Монголия объявляется независимой народной республикой» [Ваксберг 1925: 41]. Итак, монгольское правительство не признало Советско-китайское соглашение. Проект конституции МНР был разработан советником монгольского правительства П. В. Всесвятским, затем доработан и принят на хурале, проходившем под советским контролем. Следовательно, советское руководство не возражало против этого непризнания. Правительство МНР и позже не признавало суверенитет Китая и подтверждало независимость (например, в конституции 1940 г.).

СССР не заявлял о выходе из Советско-китайского соглашения 1925 г. в части статуса Монголии, но при этом поддерживал с МНР активные дипломатические, экономические, политические и культурные отношения независимо от Китая. Эти отношения означали подразумеваемое (молчаливое) признание МНР. Плебисцит в МНР в 1945 г. и признание Китаем ее независимости 5 января 1946 г. стали основанием для ее широкого международного признания и вступления в международные организации [Учрал 2011]. Этот статус государства Монголия остается общепризнанным (если не считать некоторых кругов Китая).

Что касается остальных монгольских территорий, то Китай присоединил их путем завоевания или получая согласие их правителей под давлением. Такие методы противоречат современному международному праву. Последняя попытка Внутренней Монголии и Барги воссоединиться с МНР после Второй мировой войны была пресечена И. В. Сталиным, потребовавшим их вхождения в Китай. В настоящее время они составляют автономный район Внутренняя Монголия КНР. Руководство этого района назначается извне — Всекитайским собранием народных представителей, от которого зависит местное законодательство. Внутренняя Монголия колонизирована ханьцами (около 80 % населения), использующими ее как источник сырья, военный плацдарм и жизненное пространство.

Источники и литература

- АВПРФ. Ф. РМ. Оп. 3. — Архив внешней политики Российской империи, Ф. «Резидентура по Монголии». Оп. 3. Пор. № 14. Папка105а. Л. 10.
- АВПРФ. Ф. РМ. Оп. 6. — Архив внешней политики Российской империи, Ф. «Резидентура по Монголии». Оп. 6. Пор. № 30. П. 113. Л. 83–84, 216.
- Батсайхан 2007 — *Батсайхан О.* Монголын тусгаар тогтнол ба Хятад, Орос Монгол гурван улсын 1915 оны Хиагтын гэрээ (1911–1916). Улаанбаатар: Адмон, 2007. 317 с.
- Батсайхан 2011 — *Батсайхан О.* Монголын сүүлчийн эзэн хаан VIII Богд Жавзандамба. Улаанбаатар: Адмон, 2011. 707 с.
- Батунаев 2015 — *Батунаев Э. В.* Борьба за независимость Монгольского государства (1911–1921 гг.). Улан-Удэ: БНЦ СО РАН, 2015. 160 с.
- Ваксберг 1925 — *Ваксберг М. А.* Конституция революционной Монголии. Иркутск: Иркутск. секция науч. работников Рабпроса, 1925. 52 с.
- Документы внешней политики СССР — Документы внешней политики СССР. М.: Госполитиздат, 1958. Т. 2. 807 с. [электронный ресурс] // URL: http://www.1000dokumente.de/?c=dokument_ru&dokument=0015_kar&object=translation&l=ru (дата обращения: 01.06.2020).
- Дмитриев, Кузьмин 2014 — *Дмитриев С. В., Кузьмин С. Л.* Империя Цин как Китай: анатомия исторического мифа // Восток. 2014. № 1. С. 5–17.
- Коростовец 2004 — *Коростовец И. Я.* От Чингис хана до Советской республики: краткая история Монголии с особым учетом новейшего времени. Улан-Батор: Эмгэнт, 2004. 560 с.
- Кузьмин 2015 — *Кузьмин С. Л.* Советско-китайские отношения и проблема статуса Монголии в 1920-х гг. // Россия и Монголия в первой половине XX в. Кн. 5. Улан-Батор; Иркутск: БГУЭП. 2015. С. 247–255.
- Кузьмин 2019 — *Кузьмин С. Л.* Вассалитет на Западе и Востоке: проблема отношений империи Цин с Монголией и Тибетом // Восток. 2019. № 1. С. 39–54.
- Кузьмин, Батсайхан 2019 — *Кузьмин С. Л., Батсайхан О.* Об указе императора Хунтайджи (Абахая) о восстановлении независимости монголов после падения Цинской династии // Восток. 2019. № 5. С. 200–217.

- Мартенс 1882 — *Мартенс Ф.* Современное международное право цивилизованных народов. Т. 1. СПб.: Тип. Мин-ва путей сообщ., 1882. 445 с.
- Нольде 1915 — *Нольде Б. Э.* Международное положение Монголии // *Право.* 1915. № 34. С. 2153–2168; № 35. С. 2217–2231.
- РГАСПИ — Российский государственный архив социально-политической истории. Ф. 495. Оп. 152. Д. 11. Л. 66–67.
- Революционные мероприятия народного правительства Монголии в 1921–1924 гг. Документы. М.: Вост. лит., 1960. 211 с.
- Российско-монгольское... 2008 — Российско-монгольское военное сотрудничество (1911–1946): сб. док.: в 2 ч. Ч. 1. М.; Улан-Удэ: ФГОУ ВПО ВСГАКИ, 2008. 349 с.
- Тачибана 2013 — *Тачибана М.* 1912 оны Орос-монголын найрамдлын гэрээ ба олон улсын эрх зүй // *Монгол-оросын 1912 оны гэрээ ба И. Я. Коростовец.* Улаанбаатар: ШУА СХ, 2013. X. 94–104.
- Учрал 2011 — *Учрал Н.* Международное признание независимого статуса Монголии // *Власть.* 2011. № 8. С. 102–104.
- Shaw 2008 — *Shaw M. N.* *International Law.* Ed. 6. Cambridge Univ. Press. 2008. Pp. 1708.
- The Centennial of the Tibeto-Mongol Treaty: 1913–2013 // *Lungta.* 2013. V. 17. Dharamsala. Pp. 108.